

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ В РОССИИ

А.Э. Ларионов, к.и.н., доцент кафедры социальных
и гуманитарных технологий

Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области

«Технологический университет» («МГОТУ»), г. Королёв, Россия

А.В. Новичков, к.и.н., доцент кафедры социальных и гуманитарных технологий

Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области

«Технологический университет» («МГОТУ»), г. Королёв, Россия

В данной статье рассмотрены аксиологические вопросы социальных реформ в России на протяжении последней четверти века. На основе обращения к социально-философским текстам делается вывод о глубоком диссонансе осуществляемого на протяжении многих лет курса социальных реформ с цивилизационной традицией и подлинными витальными интересами абсолютного большинства населения России. Делается вывод о необходимости постоянного соотношения любых проектов общественных преобразований с ценностными основаниями исторического бытия страны и народа.

Социальные реформы, аксиология, Российская цивилизация, традиция.

AXIOLOGICAL ASPECTS SOCIAL REFORMS IN RUSSIA

A.E. Larionov, Ph. D., associate Professor of social and humanitarian technologies

State Educational Institution of
Higher Education of Moscow Region
«University of Technology»

A.V. Novichkov, Ph. D., associate Professor of social and humanitarian technologies

State Educational Institution of
Higher Education of Moscow Region
«University of Technology»

This article discusses the axiological issues of social reforms in Russia during the last quarter century. On the basis of the appeal to the socio-philosophical texts the author concludes about the deep dissonance of the course of social reforms carried out for many years with the civilizational tradition and the true vital interests of the absolute majority of the Russian population. The conclusion is made about the necessity of constant correlation of any projects of social transformations with the value bases of historical existence of the country and the people.

Social reforms, axiology, Russian civilization, tradition.

Один из виднейших социологов современности Рэндалл Коллинз указывает, что суммарное число философов за весь период письменной истории человечества достигает величины порядка 3000 человек [5, с.138]. На фоне суммарно живших и живущих на Земном шаре 35×10^9 человек это исчезающе малая величина. Но исторически роль этой ничтожно малой группы людей несоизмерима с количеством. То есть, если абсолютное количество на фоне общей численности населения в исторический период стремится в $-\infty$, то социально-историческая роль страты философов стремится в $+\infty$.

Почему так происходит, причём не разово, а систематически на всём протяжении социальной истории человечества? Ответ прост: философия говорит о смыслах и ценностях человеческого бытия. Именно на основе выявленного для личности и общества смысла, принятых и признанных высших транс-персональных ценностей, возможны развитие и рост как отдельной личности, так и социальных слоёв, общества и государства в целом. Из чего можно сделать вывод

о том, что социальные трансформации, динамика общественного развития, социальное реформирование также содержат в себе аксиологическую подоплеку. Даже если инициаторы и участники всевозможных социальных флуктуаций не дают себе труда об этом задуматься. Ведь только человек обладает способностью к рациональному целеполаганию, в основе которого лежат убеждения и мировоззрения, в конечном итоге сублимируемые к ценностям. Без этого условия никакая человеческая деятельность, помимо простейшей физиологической активности, попросту невозможна. С этой точки зрения попробуем подойти к рассмотрению и оценке тех социальных реформ и перемен, которыми оказалось затронуто российское общество в последние три десятилетия (1992-2019гг.).

Официально, социальное реформирование в современной России имеет весьма невятное аксиологическое обоснование. Кроме периодических призывов к модернизации, инновациям и повышению эффективности, почти невозможно отыскать сколько-нибудь целостных текстов, которые бы подводили идейно-теоретическую базу под тот процесс преобразований в российском обществе, который практически без перерыва продолжается во всех его сферах три десятилетия подряд. Как важнейший вывод социолого-теоретического уровня можно сформулировать постулат: целое поколение граждан России родилось и выросло, вступило в жизнь в условиях перманентных социальных реформ как константы социального и личностного бытия. Столь же постоянным является и отсутствие внятного обоснования. Таким образом, общество устойчиво получает от власти сигналы: бесконечные перемены без определённой цели и объяснения более постоянны, чем покой и устойчивость. При условии сохранения такого положения ещё на 30 или более лет мы получим совершенно особое общество, которое ещё не имело полноценных аналогов в истории. А именно, общество, которое не помнит стабильного состояния и не представляет жизни вне потока перемен. Причём таких перемен, которые не зависят от субъективных желаний и равнодушны к страданиям хоть персональным, хоть массовым. Более того, такое общество не будет ждать стабильности в перспективе и не сможет её обеспечить даже при наличии гипотетической возможности. По той простой причине, что не имеет представления об ином онтологическом состоянии. Поскольку же социальное проектирование никак не артикулируется, постольку людям не с чем будет сравнивать вечно длящееся настоящее. Невозможно вынести аргументированную оценку и избрать более удачный путь, не имея перед глазами ни примеров для сравнения, ни концептуальных идей, которые бы объясняли и указывали перспективу. Не составит труда понять, что социум, лишённый осознания критериев и перспективы, превращается в идеальный объект для манипулятивного управления со стороны узкой группы бенефициаров, обладающих доступом к более полной и целостной информации и возможностью если не проектировать модель и траекторию социального развития, то по крайней мере, направлять их в сторону, релевантную своим узкокорпоративным интересам.

При этом, со стороны «посвящённых», можно отметить целый ряд своеобразных рефлексий в отношении «профанного большинства», рефлексией, которые прорываются даже сквозь завесу умолчания – либо помимо воли «креативных топ-менеджеров», либо по причине утраты ими же чувства опасности, убеждения в собственной сверхисторической безопасности. Иными словами, свято и некритично усвоившие парадигмальный концепт Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории» применительно к статусной у положению своего социального слоя. Они себя мыслят вне истории, оставив политические перевороты и социальные трансформации на долю незадачливого «охлоса», себя же полагая в роли земных богов, овладевших нитью Ананке-судьбы. Об этом говорил в своё время один из умнейших наших современников Александр Сергеевич Панарин.

«Сегодня быть элитой и реализовать себя как элита означает поставить себя в независимое положение от национальных интересов и национальных чаяний... Современные элиты представляют собой нечто вроде замкнутого международного клуба со своей корпоративной этикой, ничего общего не имеющей с обычной гражданской и политической этикой, обязывающей служить своей стране, своему народу и государству. И поскольку народам это вряд ли может понравиться, то идеология современного глобализма неизбежно включает некий скрытый подтекст, некую эзотерику, чем-то напоминающую учение прежних гностических сект. Глобальный гнозис имеет двойное дно. Внешняя сторона его отражает все прежние штампы эпохи модерна – прогресс, всеобщее благоденствие, права человека. Внутренняя, выражаемая тайным языком элиты, понятным только посвященным...» [10, с.4].

Но, как выясняется теперь, выводы им однажды сделанные, вполне могут быть развиты и продолжены. В частности, за последние полтора десятилетия произошли изменения в

мировоззрении и структуре «страты реформаторов», которая во всё большей степени стремится превратиться в касту, замкнутую и обладающую извечно обусловленными привилегиями не только статусного либо материального, но и духовного характера. Этаких новых «брахманов», обладающих сокровенным знанием с момента сотворения и потому могущих и даже обязанных, призванных решать судьбы страны и народа. Фактически, речь идёт о некоем «постчеловечестве», или, в современном жаргоне – «трансгуманизме». Считающие себя адептами этого сверх-нового учения, на фоне которого даже неолиберализм/либертарианство предстаёт недостаточно радикальным, в качестве объекта поклонения выбирают не универсалистскую идею свободы и прав личности, но самих себя и свои привилегии, почитая людьми в буквальном смысле этого слова только лиц своего круга.

Традиция корпоративного сговора за спиной наивного большинства в интересах узкой группы «находящихся в теме» бенефициаров идёт с позднесоветских времён, когда набирала обороты недоброй памяти горбачёвская «перестройка». О признаках такого сговора писал известный русский публицист Анатолий Кузьмич Цикунов в своих остроактуальных публикациях на экономико-правовые темы. Основываясь исключительно на открытых источниках, но гениальным образом их обобщая и анализируя, он показывал, как путём манипулятивных действий происходит постепенное изменение правовой базы советской экономики и создаётся основа для перехода к качественно иной социально-экономической модели – колониально-компрадорскому капитализму сырьевого типа. Что мы и имеем в настоящее время. Вот лишь один пример прозрений публициста: «Частная собственность, к которой стремятся некоторые депутаты, по содержанию будет иной, чем в XIX веке. Собственникам ставится задача: максимально добыть и переработать сырьё в условиях территориальных объёмов СССР и самой дешевой в мире рабочей силы. Финансисты мира считают, что старая система жесткой плановой централизации уже не способна обеспечить эффективный производительный труд рабов и ее следует заменить на конкуренцию внутреннего рынка, но с жестким контролем центра над сырьевыми запасами, ценами на них, с максимальным ограничением потребительского спроса на сырьё для населения СССР... Целью реформы является насаждение, «выращивание», по выражению одного члена правительства, небольшой кучки собственников и превращение остальных в пролетариев» [12].

Однако, некоторые связи с большинством, как бы ни хотелось кому-то обратного, сохраняются, как сохраняется и гипотетическая угроза низового бунта или даже революции. Отсюда можно предположить наличие такого рода социально-управленческих технологий, которые бы курировали такого рода риски, сводя их к минимуму, если не устраняя совсем. Следуя в тренде новейших веяний, кандидаты в земные боги не обращаются сразу к силовым средствам социальной суггестии, предпочитая более тонкие инструменты «умной/мягкой силы». Ситуация представляется достаточно прозрачной. Поскольку любые массовые социальные движения опираются на идеи (ставшие «материальной силой, овладев массами»), идеи есть плоды размышлений, постольку важнейшей практической задачей становится ампутация или блокировка желаний и способности размышлять и рассуждать. Между тем, русская культура и, соответственно, этно-социальная система в качестве важнейшего компонента, исторически включали в себя созерцание. Созерцание, которое предполагает покой и некоторую степень отстранённости от актуальных повседневных забот и хлопот. Именно в покое и уединении рождаются не только великие произведения искусства, но и социальные теории, релевантные цивилизационной матрице и способные противодействовать манипулятивным технологиям. Следовательно, в дискредитации нуждается именно традиция созерцания, определённого пренебрежения теми ценностями мирского успеха и безграничного потребления, которые навязываются социуму в качестве инвариантной стратегии поведения.

Само понятие лени в современном общественном сознании обладает негативными коннотациями, подразумевая бездеятельность и предпочтение праздного времяпровождения производительным трудовым усилиям. Соответственно, человек, маркируемый социумом/статусными личностями и инстанциями в качестве лентяя, почти автоматически получает дополнительные дискриминационно-репрессивные ярлыки «нахлебника», «захребетника», «паразита». Сами эти обозначения призваны оправдать применение моральных или даже физических санкций к такому человеку. Однако мы можем подняться над обыденными суждениями и задаться вопросом о парадигматической их подоплеке. Современное однозначное осуждение того, кто провозглашён лентяем проистекает из секулярной онтологии и аксиологии, которая своими корнями вышла из уродливой мутации христианства – кальвинизма. Именно кальвинизм пошёл по пути секуляризации повседневной жизни и трудовой этики,

дискредитировав и уничтожив институт монашества. С тех пор Западный мир охвачен болезненной активностью и прогрессом количества. Так что в настоящее время мир стоит на пороге кризиса как экологического, так и антропо-социального, порождённых культом гедонизма и консюмеризма. Между тем, в сакральных текстах мы имеем вполне чёткие ориентиры бытия, не сводимого к смене брендов и ортопедических кресел. Конечно, с одной стороны есть изречение апостола Павла «кто не работает, тот да не ест» [2]. Но, с другой стороны, можно опереться на евангельский сюжет о Марфе и Марии:

«Бысть же ходящымъ имъ, и самъ вниде въ весь некую: жена же некая именемъ Марфа пріяты его въ домъ свой. И сестра ей бе нарицаемая Мариа, иже и седши при ногу Иисусове, слушаше слово его. Марфа же молвяше о мнозе службе, ставши же рече: Господи, не брежеш ли, яко сестра моя едину мя остави служити; рцы убо ей, да ми поможетъ. Отвещавъ же Иисусъ рече ей: Марфо, Марфо, печешися, и молвиши о мнозе, едино же есть на потребу: Мариа же благую часть избра, яже не отнимется от нея» [6].

Можно также сослаться на другой евангельский сюжет: Иоанн Креститель скитался в пустыне, акриды и дикий мёд. И...призывал к покаянию. Лихорадочной деятельностью в Евангелиях охвачены еврейские старейшины и римские власти, необычайно деятелен в последние дни Иуда... Непрестанно подвижен сатана, приступающий ко Христу. Они постоянно одержимы креативными и инновационными проектами. И...терпят в итоге историческое поражение, забыв о вертикали бытия и погрузившись всецело в горизонталь суетных забот. Вечное и сакральное забыто ради преходящего и тленного.

Русское традиционное общество вполне усвоило себе христоцентричную вертикаль и построило своё историческое существование с прицелом в Вечности на основе абсолютного сакрального идеала. Отсюда – всегда скептическое отношение к избыточной активности. То, что представляется носителю секулярной парадигмы ленью и бездеятельности, в действительности наполнено глубоким смыслом – молитвенным созерцанием. Св.Серафим Саровский удостоился Фаворского нетварного света после 1000-дневного молитвенного стояния на камне.

В качестве параллелей можно привести пример индо-буддийского недеяния, когда каждый выход за пределы созерцательного покоя был чреват не только удалением от состояния самадхи – как предельной медитации, ведущей к просветлению/слиянию с Абсолютом, но и непредсказуемыми онтологическими последствиями негативного характера, нарушениями равновесия в мироздании. [7, с.690-692] Можно также привести примеры из индийской мифологии, когда наибольшую активность в плане креатива и собственного апгрейда для приобретения собственных способностей проявляют демоны, стремящиеся к разрушению либо к порабощению мира. [8] Однако внешне невозмутимый Брахма созерцает и позволяет злу развиваться до своего предела, за которым его подстерегает неминуемая гибель – inferнальные субъекты сами ведут себя к уничтожению. Таким образом, уход от деятельности в созерцание оказывается высшей формой витальности, наделяемой в мировом сакральном пространстве телеономическими и сотериологическими функциями, в противовес по-видимому такому рациональному, в реальности же – лишённому смысла постоянному движению и реформированию, которое оказывается способным только разрушать и паразитировать на жизненной ткани традиционного общества.

Сформировав костяк парадигмы, применим её к реальности. Что же мы увидим. С момента прихода к власти Горбачёва и до настоящего времени мы наблюдаем бесконечную череду сменяющих друг друга всё более радикальных реформ, которые в действительности – все без исключения ведут к ухудшению жизни, это буквально путь страны в никуда. Особенно хорошо этот процесс просматривается в образовании. Зуд реформирования осуществляется под маркерами модернизации, оптимизации, инновации, теперь с лёгкой руки Президента добавилась и цифровизация. Вместо традиционной образовательной модели патриархально-семейного типа с всматриванием учащихся в фундаментальные проблемы российскому образованию навязывается патологическая модель дистанционного дегуманизованного верхоглядства. Происходит стремительное разрушение коммуникативного пространства в образовательных учреждениях. Прямое подтверждение чему – Керченская трагедия. Не абстрактные американцы тому виной, а насаждение деструктивной модели постоянных изменений под лозунгом экономической эффективности и бюрократической продуктивности. То есть выстраивается вполне очевидная причинно-следственная связь: перманентное реформирование – разрушение коммуникативного пространства в образовании – уничтожение витальной базы социума. Главным врагом

реформаторов в лице ВШЭ, Грефа и пр. Объявлено именно спокойно-созерцательное отношение к жизни.

Таким образом, можно сказать, что спокойствие и созерцание, ровное течение жизни, будучи гонимы сторонниками перманентных реформ, оказываются главным ресурсом воспроизводства жизни и наполнения её высшими смыслами. Ополчаясь на эту традиционную онтологическую метафизику, беспокойные деятели российских реформ, выказывают себя как акторы хаоса, угрожающие самому бытию Русской цивилизации. То есть, в конечном итоге, они выступают как агенты инферно, того персонажа, о котором Сын Божий сказал «человекоубийца бе искони и во истине не стоит, яко несть истины в нем: егда глаголет лжу, от своих глаголет, яко ложь есть и отец лжи». [3] Следовательно, российские созерцатели, которых почитатель Каббалы Греф клеймит как «дауншифтеров», «аутсайдеров» цифровой эпохи, в реальности оказываются на острие великой духовной борьбы начала 3-го тысячелетия, отторгая антихристианскую цифровую прогрессистскую парадигму и её адептов. Вспомним пророчество Достоевского, вложенное в уста видимого маргинала Мармеладова: «И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: «Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!» И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: «Свиньи вы! образа звериного и печати его; но приидите и вы!» И возглаголят премудрые, возглаголят разумные: «Господи! почто сих приемлещи?» И скажет: «Потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего...» И прострет к нам руке свои, и мы припадем... и заплачем... и всё поймем! Тогда всё поймем!.. и все поймут...» [1]. Вот характерный пример антихристианского социального проектирования из уст главы Сбербанка: «Знаете, у нас есть такой штамп – «дома престарелых». Этому штампу соответствует не очень хорошая реализация. У нас есть такая постыдная история – отдать своего родителя в дом престарелых. Так вот во всем мире ситуация ровно обратная. Считается, что отдать в дом для пожилых людей своего родителя – это достойно, потому что это высокочеловеческие учреждения, в которых людям предоставляется высочайший уровень обслуживания, реализация их интересов, возможности общения, первичная медицинская помощь и так далее» [9].

Иными словами, речь идёт не о поддержке и сохранении некоей традиционной модели взаимоотношения детей и родителей, основанной на 5-й Заповеди Декалога, а полном её сломе – как на уровне массовой ментальности, так и на уровне массовых социальных практик. Доминирующими мотивами в данном случае служат концепты эгоистического комфорта и монетарной прибыли, поскольку нет сомнения, что основная масса субсидиарных инвестиций в такого рода учреждения будет проходить через подконтрольный государству Сбербанк. Сам того не подозревая, Г.О. Греф поставил российское общество перед важнейшим аксиологическим выбором: сохранять ли верность Традиции и Заповедям, которые имеют трансцендентный источник, либо отказаться от них, ради гедонистического комфорта и прибыли. Нет сомнения, что это две диаметрально противоположные и взаимоисключающие траектории социального развития. Выбирая «альтернативу Грефа», люди фактически оказываются в положении противников Творца всего сущего. Куда приведёт такая дорога? По существу, нам предъявлен вектор будущей государственной политики. Государство как бы говорит своим гражданам, что поддержки традиционной модели семьи, повышения пенсий ждать не приходится. Учитывая же повышение планки пенсионного возраста, жизненная траектория может в перспективе выглядеть следующим образом: работа в течение 40 и более лет, затем сдача детьми в дом престарелых, поскольку детям уже внедрена мысль об избыточной трудности ухода за родителями и хронической нехватки времени для этого – ведь ритм жизни требует постоянного движения, а покой и созерцание – непозволительная роскошь и даже порок.

То, что в рамках горизонтальной суетной парадигмы предстаёт как лень, бездеятельность, в рамках вертикальной сакральной парадигмы оказывается высшим спасительным делом. И именно такое созерцательное дело противостоит инферальной разрушительной активности. Зададимся вопросом: за кем останется конечная победа? Вновь можно вспомнить евангельскую фразу: «Аще с нами Бог – кто на нас» Сохраняя толику созерцательного оптимизма, выскажем уверенность, что нам предстоит стать свидетелями и участниками этой метафизической победы, восстановления традиционных метафизических основ социального бытия. В конечном итоге, вопрос встанет не о страдательной участи традиционалистов-созерцателей в планах реформаторов, а о том, успеют ли неистовые реформаторы вовремя осознать свой крах в служении первооснователю всех реформ – падшему первоангелу и успеть вскочить в наш поезд традиции? И чем больше традиционалистское большинство будет созерцательно игнорировать разрушительные

правительственные инновации, тем ближе и ошеломительней будет его победа! По словам А.С. Панарина, «в православной парадигме спасения открывается возможность реабилитации тех, кто по критериям достижительной «морали успеха» признан недостойными. Речь идет о растущей армии «неадаптированных». Западная социология эксплицировала содержание последнего понятия в первую очередь на примере выходцев из деревни или мигрантов, внезапно помещенных судьбой в эпицентры технического века. Этот век формировался не ими, а другими, и потому изначально чужд им. Здесь не работает гордое правило демократической эпохи: человек повинуетя лишь тем инстанциям, которые он сам же избрал в процессе свободного волеизъявления. Они, помещенные в искусственную техническую и технико-экономическую среду, не определяли ее параметры, не формулировали ее критерии. Их повиновение – не свободное, а вынужденное, связанное не с самореализацией, а с насилием над собой и подавлением своего «я» [11].

Что же следует из всех наших рассуждений и приведенных в их контексте цитат? Очевидно, что парадигма современного реформаторства находится в жёстком диссонансе, даже в антагонизме не только с отвлечённо-метафизическими штудиями традиционалистского характера, но и с вполне реальными жизненными интересами абсолютного большинства русского народа, равно и других народов России и всего постсоветского пространства. Более того, данная модель социального развития обслуживает интересы той узкой группы постсоветской элиты, которая рассчитывает построить собственное неизменное благополучие «на костях» как традиционных духовно-нравственных ценностей, так и массовых социальных достижений эпохи развитого модерна. Ведущие современные публицисты, исследователи не первый год говорят о последовательном демонтаже социального государства и любых его патерналистских интенций [4]. То есть тенденция уже сформирована и активно претворяется в практическую политику. Говоря о постсоветском пространстве, можно вообще высказать гипотезу о том, что элитарные группы бывших союзных республик, претворившихся в привилегированных адептов глобалистской идеи в собственном отечестве, состоят в некоем негласном сговоре друг с другом – в плане поддержания и обеспечения собственных классовых интересов. Иными словами, даже без обращения к социологической статистике, основываясь на обобщённых соображениях социальной философии и новейшей социальной истории, можно прогнозировать последующее нарастание превентивной агрессии новоявленной глобалистской элиты в адрес традиционных социальных структур и связанных с ними ценностей и даже повседневных социальных практик. Единомышленники А.Б. Чубайса и Г.О. Грефа в ВШЭ, правительстве России, во главе регионов будут продолжать лихорадочную деятельность по «оптимизации» школ и ВУЗов, учреждений культуры. Равно как будут с неизбежностью продолжаться социал-дарвинистские высказывания в адрес «аутсайдеров глобализации», для которых совесть важнее монетарной эффективности. Важнейший вывод из всего этого: инфернализация сознания российской правящей элиты есть уже свершившийся факт. Учитывая депрессивное состояние российского общества, постоянно работающие механизмы социально-психологической суггестии, едва ли сейчас правомерно говорить об осознанном массовом сопротивлении данной тенденции, как бы ни хотелось нам обратного. В распоряжении страдающего народного большинства объективно остаются три средства противостояния торжествующему социальному злу, мимикрирующему под «инновации» и «модернизации», «реформы» и «оптимизацию», «цифровую экономику», но питающемуся инфернальными энергиями: это всемерное поддержание внутренней духовно-культурной идентичности и выстраивание на её основе повседневных социальных практик. Что невозможно без обращения к православному духовному наследию и идеям социальной справедливости. Не менее важно называть вещи своими именами – здесь особая миссия принадлежит той части российского интеллектуального слоя, который не поддавался лукавым посулам и соблазнам глобализации и её адептов. Наконец, нет ничего крамольного в том, чтобы саботировать насаждаемые сверху инновации там, так и тогда, где, как и когда это возможно. Выросшая и паразитирующая на народном организме жизнеотрицающая система, как показывает исторический опыт, неизбежно начнёт разрушать самоё себя, если не встретит одобрения и примирения с ней у кажущегося пассивным и безответным большинства. При условии сохранения внутренних ценностных ориентаций в духе Традиции время само подскажет, в какой момент следует переходить от латентного противодействия к открытому. В настоящий же момент важнейшим условием является сохранение ценностно-смыслового ядра, как залога воспроизводства российского социума в будущем, сохранения и развития его идентичности и исторической субъектности в длительной перспективе.

Наконец, важнейший вызов российскому интеллектуальному сообществу заключается в том, чтобы вырабатывать и предлагать обществу и власти новые стратегические проекты не взрывного реформирования, а эволюционного развития страны, всех её социальных институтов. Проекты эти должны быть согласованы с фундаментальными ценностями Российской цивилизации, её историческими традициями и реальными жизненными интересами большинства населения, а не узких кланов и групп бенефициаров и сырьевых государственных олигархов и поддерживаемых государством банкиров. Реформы должны быть во всех случаях согласованы с аксиологическими постулатами и во всех случаях преследовать конечные высшие цели народосбережения и повышения витальности страны в целом. Только в этом случае будет преодолен трагический диссонанс между «гениальными замыслами» власти и категорическим их отторжением и саботажем со стороны народа. А преобразования наконец-то станут средством улучшения жизни и общенациональных позиций на мировой арене, перестав являться самоцелью и способом завуалированного грабежа страны при разрушении её несущих конструкций.

Литература:

1. Достоевский Ф.М. Разговор Мармеладова и Раскольникова в трактате // <http://rushist.com/index.php/rus-literature/6021-prestuplenie-i-nakazanie-monolog-marmeladova-v-traktire> Дата обращения 04.03.2019.
2. 2 Сол.3:10.
3. Ин.8:44.
4. Кагарлицкий Б.Ю. Демонтаж социального государства // <http://gradmsk.ru/video/AFHQlqQbGfk> Дата обращения 06.03.2019.
5. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения // Новосибирск: Сибирский хронограф. 2002. С.138.
6. Лк.10:38-42.
7. Лысенко В.Г. Самадхи // Индийская философия: энциклопедия // М.: Академический проект Гаудеамус. 2009. Сс.690-692.
8. Нарайан Р. Боги, демоны и другие // М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. 1975.
9. Новый удар по пенсионерам и традиционной семье // <http://kuzpress.ru/politics/11-09-2018/62537.html> Дата обращения 04.03.2019.
10. Панарин А.С. Искушение глобализмом // М.: Эксмо. 2003. С.4.
11. Панарин А.С. Народ без элиты // <https://www.readanywhere.ru/panarin-aleksandr-sergeevich/books/narod-bez-elity/16182/Trial> Дата обращения 04.03.2019.
12. Цикунов (Кузьмич) А.К. Рынок России в свете нового законодательства // Распятая страна <http://www.rus-sky.com/history/library/kuzmitch.htm> Дата обращения 06.03.2019.